

УДК 94(569.3)+94(569.1)
doi:10.21685/2072-3024-2021-4-14

Православные христиане в политике Ливана

Р. В. Захаров

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма, Москва, Россия
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
2508ruslan@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается положение православной общины Антиохийской православной церкви в Ливане. Политическое участие православной общины в Ливане практически не исследовано в российской исторической науке за исключением отдельных авторов, специализирующихся на истории Антиохийской православной церкви, и дипломатов. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута благодаря использованию ранее не публиковавшихся в России работ ливанских авторов Мэй Дейви и Жоржа Ходра. При написании статьи автор опирался на конструктивистский подход в анализе ливанского общества. *Результаты.* В работе отмечаются основные отличительные черты православной общины по сравнению с другими религиозными общинами, приблизительная численность, идентичность и ее трансформация в разные периоды истории. *Выводы.* Политическое участие православных христиан с их богатой историей, собственной идентичностью, влиятельностью сводилось к невмешательству в политическую борьбу. Тем не менее быстро меняющаяся обстановка как внутри Ливана, так и вокруг него требует от православной общины внутренней консолидации с целью отстаивания своих интересов в многоконфессиональном мире Леванта. Православная община Ливана является неотъемлемой частью ливанского общества. Она соединяет в себе множество идентичностей, однако арабская идентичность признается главенствующей, не отвергается, а, наоборот, подчеркивается в диалоге с другими конфессиональными общинами страны. Благодаря своей нейтральности, неангажированности и взвешенным отношениям с остальными конфессиями страны православная община Ливана играет большую роль в межконфессиональном диалоге в Ливане. В разные периоды истории Ливана православная община страны либо занимала нейтралитет (например, в период Гражданской войны 1975–1989 гг.), либо блокировалась с мусульманской общиной для отстаивания территориальной целостности Ливана (в период крестовых походов и французского мандата – с суннитами, в период борьбы с террористической группировкой ИГИЛ – с шиитским движением Хезболла). Тем не менее невмешательство во внутривнутриполитическую жизнь страны сыграло негативную роль для православной общины. У нее практически отсутствуют влиятельные политические структуры и партии, необходимые для отстаивания своих интересов. Православная партия «Машрик» стала первой политической партией православной общины. Несмотря на неудачу в ее дальнейшей деятельности, создание первой православной политической партии говорит о желании православной общины принимать более активное участие в политической жизни страны.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ливан, православие, православная община, Антиохийская православная церковь, религиозные конфессии

Для цитирования: Захаров Р. В. Православные христиане в политике Ливана // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 159–172. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-14

Orthodox christians in Lebanese policy

R.V. Zakharov

Center for the Prevention of Religious and Ethnic Terrorism, Moscow, Russia
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
2508ruslan@gmail.com

Abstract. *Background.* The article dwells on the current state of orthodox community in Lebanon. The political participation of orthodox community in Lebanon is lack of research except a few authors who are specialized on the history on Antiochian orthodox church and diplomats. The purpose of the article is to study the engagement of orthodox community in domestic politics of Lebanon, its both cultural and civilizational identification in the society of Lebanon, problem of leadership, and relations with other religious groups. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved based on the analysis of previously unpublished works of lebanese researchers May Davie and Georges Khodr. The author relies on the method of constructivist approach in analyzing lebanese society. *Results.* The article notes the main features of orthodox community in comparison with other religious denominations of Lebanon, estimated population, identity and its transformation during different periods of history. *Conclusions.* Despite the fact that Lebanese orthodox Christians have rich history, identity and influence their political participation have come down to non-interference in internal political struggle. Nevertheless, rapidly changing circumstances both inside and outside Lebanon demand internal consolidation of Orthodox community in order to protect their interests in multireligious world of Levant. The Lebanese Orthodox community is an integral part of Lebanese society. The Orthodox community combines many identities, but the Arab identity is dominant and undeniable, On the contrary it is emphasized in dialogue with other confessional communities of the country. Due to its neutrality, non-affiliation and balanced relations with the rest of the country's confessions, the Orthodox community of Lebanon plays an important role in interfaith dialogue in Lebanon. In different periods of Lebanese history, the country's Orthodox community either held neutrality, for example, during the 1975–1989 Civil War, or supported the Muslim community to defend the territorial integrity of Lebanon (for example, consolidating with the Sunnis during the Crusades and the French Mandat, or cooperating with the Shiite movement Hezbollah during the fight against the ISIS). Nevertheless, non-interference in the internal political life of the country played a negative role for the Orthodox community. It has practically no influential political structures and parties which are necessary to defend its interests. The Orthodox party "Mashriq" became the first political party of the Orthodox community. Despite the failure in its further activities, the creation of the first Orthodox political party shows the desire of the Orthodox community to take a more active part in the political life of the country.

Keywords: Middle East, Lebanon, Orthodoxy, orthodox community, Antioch Orthodox Church, religious denominations

For citation: Zakharov R.V. Orthodox christians in Lebanese policy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;(4):159–172. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-14

Введение

Более пятидесяти лет назад ливанский посол при Организации Объединенных Наций Шарль Малик сказал: «Возможны ли арабы-христиане? Возможна ли культура арабов-христиан?» [1, с. 150–152]. Вопрос Шарля Малика

является вопросом дискуссионным. Вследствие того, что история христианства началась именно на Ближнем Востоке, а также в силу миграций и постоянных переселений христианские общины представляют собой достаточно пестрый как этнический, так и конфессиональный состав, они, тем не менее, всегда играли значительную роль в культуре и политике ближневосточного региона. Многие христиане были более или менее подвержены процессу арабизации, однако тот факт, что многие из них жили на протяжении многих веков в условиях мусульманского правления, начиная от Халифата и заканчивая Османской империей, делает их неотъемлемой частью арабского и исламского мира¹.

Материалы и методы

Ливанское общество подобно лоскутному одеялу, элементами в котором выступают 17 официально признанных религиозных общин. В многоконфессиональных обществах важным элементом собственной идентичности выступает религиозная идентичность, которая используется как основа для мобилизации общины в случае внешней агрессии или внутренних потрясений. Для исследования религиозной идентичности в многоконфессиональных обществах можно использовать три теории: примордиализм, инструментализм и конструктивизм.

Важным подходом, который являлся основой исследования, стал конструктивистский подход, означающий наличие у каждой конфессиональной группы исторического или религиозного мифа для поддержания легитимности своего проживания на данной территории. В рамках этой теории политические акторы, помимо уже существующей идентичности, используют еще одну часто мифическую идентичность для объединения разрозненных групп. Подобная мифическая надстройка часто использовалась в периоды гражданских войн, когда для выживания разрозненной конфессиональной группы требуется основа для консолидации перед лицом внутреннего или внешнего врага.

Для православных христиан основой собственной самоидентификации иногда выступает «гассанизм», в основе которого лежат племена гассанидов, переселившихся с территории Йемена в I в. н.э. на территории современных Ливана и Сирии. Племена гассанидов были одними из первых племен, кто принял христианство. В дальнейшем значительная часть гассанидов была исламизирована вследствие арабского завоевания [2]. Тем не менее многие православные политики и влиятельные православные династии до сих пор возводят свой род к этим племенам. Однако «гассанизм» так и не стал основополагающим элементом в самоидентификации православной общины.

Религиозная принадлежность в ливанском обществе часто является не только основой для консолидации перед лицом угрозы, но и базисом для продвижения своих интересов и политического влияния. Согласно теории инструментализма политик или политическая партия могут использовать

¹ Постоянные войны и эмиграции значительно истощили силы христианской общины за последние 50 лет. После окончания гражданской войны в Ливане многие начали ставить под сомнение политические позиции христиан в регионе, на что отреагировал тогдашний патриарх Антиохийской церкви Игнатиус IV: «Мы жили на Ближнем Востоке задолго до прихода Ислама. Мы были теми, кто принял мусульман. Это они были нашими гостями».

свою религиозную идентичность для заключения политических альянсов и союзов. Теория примордиализма объясняет случаи, когда религиозная идентичность, будучи незаметной в обществе в мирное время, проявляется в периоды угрозы или войны, четко разделяя общество на противостоящие друг другу враждебные элементы.

Ливанское общество можно охарактеризовать как «матрицу человечества», где 17 религиозных конфессий взаимодействуют друг с другом и ведут диалог на разных уровнях: от бытового до политического. Согласно неписанному Национальному пакту, позже официально оформленному в ливанской конституции 1943 г., а затем с некоторыми изменениями 1990 г., распределение министерских портфелей и высших политических должностей осуществляется между конфессиональными общинами. Таким образом, религиозная принадлежность используется при распределении политического влияния.

При работе над статьей была проанализирована историография данной проблематики. История православной общины Ливана остается малоизученной. В России интерес к православным общинам Ближнего Востока появился после открытия российского посольства в Бейруте в 1839 г. Однако контакты между Россией и православными общинами Ближнего Востока происходили и до 1839 г. Среди современных русских ученых-востоковедов можно выделить К. А. Панченко и М. А. Якушева, которые занимались православными христианами, однако сфера их исследований ограничивается XVI–XIX вв. и затрагивает взаимоотношения между центральными властями Османской империи и *рум миллетом*, а также политику российских властей по отношению к православным общинам и деятельность Императорского православного палестинского общества. О православных общинах Ближнего Востока также писали И. Н. Березин, А. П. Лебедев, К. М. Базили, А. Е. Крымский. Из зарубежных авторов можно выделить как европейских (С. Рансимен, Б. Брауде, Б. Льюис, Т. Пападемитриу), так и ливанских исследователей, включая ранее не публиковавшиеся в России работы Т. Митри, М. Дэйви, Б. Халифы, К. Дагер. Историография проблемы позволяет говорить о том, что, в то время как период XV–XIX вв. достаточно хорошо изучен, современный период развития православных христиан Ливана остается практически нетронутым за исключением нескольких авторов. При анализе современной политики были использованы данные, полученные с официальных сайтов ливанских политических партий.

Результаты и обсуждение

Православные Ливана являются одной из многих христианских конфессий, проживающих в этой стране наряду с маронитами, яковитами, греко-католиками и армянами. Ощущая неразрывную связь с единоверцами по всему миру, с одной стороны, и являясь наиболее арабизированными среди всех христианских конфессий Ливана – с другой, православная община Ливана являет собой гармонично сочетающуюся смесь двух идентичностей, которые редко вступают в противоречие друг с другом.

История становления и развития православной общины в Ливане неотделима от истории Антиохийского патриархата. Считается, что Антиохийская православная церковь зародилась в первом десятилетии после Воскресения

Христова. Каноническая территория Антиохийского патриархата включает в себя Левант (Сирия, Ливан, Ирак), Персидский Залив (Кувейт, ОАЭ, Катар), а также Северную и Южную Америки. Резиденцией Антиохийского патриарха после 1268 г. является Дамаск¹.

Именно на территории сиро-ливанского региона православные монахи начинали проповедовать учение Христа среди языческих племен. Несомненно, что православные христиане являются одной из самых древних общин, поселившихся на территории современного Ливана и Бейрута с I в. н.э. Русский дипломат К. Д. Петкович писал, что «православные поселились в Ливане вследствие тех же самых причин, кои побудили искать в нем убежища и другие народности или религиозные общины, т.е. гонения и преследования за религиозные убеждения со стороны господствовавшей в Сирии религии» [3, с. 112]. Ливанская исследовательница М. Дэйви пишет, что «с момента зарождения христианства на восточном берегу Средиземного моря они были звеном в цепи сообществ на Ближнем Востоке. Начиная со II в., почти во всех городах Римской империи, в Бейруте христиане организовывались в небольшие общины, в каждой из которых было свое духовенство и епископ» [4, р. 11].

Большое влияние на формирование идентичности православной общины Ливана оказало арабское завоевание, а затем и турецкое господство. Существование Антиохийской церкви в рамках шариатского государства значительно повлияло на ее отношения с остальным христианским миром в сторону ее большего обособления от того же Константинополя. В богослужениях греческий язык был постепенно заменен арабским языком, сама Церковь стала более «арабизированной», т.е. испытавшей значительное влияние арабской и исламской цивилизаций.

В османский период все арабское немусульманское население управлялось по системе *миллетов*. Так, появился единый православный *рум миллет*. По сути, система миллетов была религиозно-политическим институтом, который давал возможность немусульманским подданным регулировать проблемы внутри сообщества при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати. Именно в период нахождения под властью Османской Империи в Сирии и Ливане начало оформляться конфессиональное деление общества. Фактически представители различных религиозных сект жили автономно, не идентифицируя себя с остальными общинами. Более того, зарождающаяся конфессиональная разделенность ливанского общества дополнялась государственно-административной политикой турецких властей.

Численность православных христиан в период правления Османской Империи трудно поддается подсчету. Примерные данные о численности православного населения на территориях Сирии и Ливана содержатся в османских налоговых реестрах, однако точными их назвать нельзя, так как они были изменчивы и менялись в соответствии с политикой центральных властей. Часто численность населения намеренно занижали сами христиане, чтобы уменьшить размер налогообложения. Согласно информации из османских

¹ В 1268 г. мамлюки захватили и полностью уничтожили Антиохию, после чего Дамаск пришел в запустение и более не использовался в качестве резиденции Антиохийского патриарха.

налоговых реестров, на территориях Сирии и Ливана в начале XVI в. проживало 914 христианских домов, что выглядит явно неправдоподобно по сравнению с более поздними данными даже конца XVI в., где численность христиан многократно возрастает [5, с. 53–60]. Интересными с этой точки зрения выглядят выводы А. И. Панченко, который пишет о вовлеченности сиропалестинских христиан в «средиземноморский демографический взрыв», описанный Ф. Броделем [6, с. 9]. В связи с этим можно сказать, что уровень рождаемости среди христианского населения на ограниченный период времени многократно превосходил рождаемость в мусульманских семьях, а детская смертность была ниже, что выглядит явно неправдоподобно. Тем не менее официальные данные значительно расходятся с реальной численностью христиан в таких городах, как Триполи, Дамаск и Бейрут, которые уже тогда являлись крупнейшими городами по численности православного христианского населения.

Более точные данные относительно православного населения Сирии и Ливана появляются только в середине XIX в. во многом благодаря российским востоковедам и исследователям. По данным Императорского православного палестинского общества, численность православных христиан во всем Антиохийском патриархе (13 епархий, 20 городов и 181 деревня) составляла 71 250 семей, или около 356 000 человек, исповедовавших православную веру (в среднем 5 человек на одну семью), что кажется явно завышенной цифрой¹. Непосредственно на территории самого Ливана находилось 3 епархии Антиохийской православной церкви: Бейрутская, Тиро-Сидонская и Триполийская. На начало XX в. численность Бейрутской епархии составляла 20 000 семей (непосредственно в самом Бейруте проживало 10 000 семей), Тиро-Сидонской – 1800 семей, Триполийской – 16 000 семей (непосредственно в самом Триполи проживало 6000 семей), что составляло около 150 000 человек [7, р. 143–147]. Русский востоковед и дипломат К. М. Базили приводит немного другие цифры: Бейрутская епархия – 5000 семей, Тиро-Сидонская – 2500 семей и столько же в Триполийской епархии [8, с. 345–347].

В настоящее время оценить численность православных христиан в Ливане достаточно проблематично, поскольку последняя перепись населения в Ливане проводилась еще в 1932 г. Численность православного населения в Ливане является предметом споров и по разным оценкам достигает 7–8 % [9, с. 527–528]. Тем не менее этот показатель остается стабильным, невзирая на тяжелое экономическое положение страны и широкие возможности для эмиграции за рубеж.

Православная община Ливана в отличие от других конфессий страны характеризуется своей нейтральностью и отсутствием существования какого-либо исторического мифа для поддержания своей легитимности на землях своего проживания, что характерно для других, преимущественно католических религиозных общин Ливана. Несмотря на то что в среде православных христиан в разное время существовали различные идеологические течения

¹ В примечаниях к данным Императорского православного палестинского общества редактор делает пометку, что для определенных епархий следует скорректировать цифры. Для Антиохийской епархии – 2720 семей, для городов Бейрута и Триполи – 6000 и 1000 семей соответственно. Таким образом, количество православных христиан Антиохийского патриархата составляло около 250 тыс. человек.

«арабизма», «сиризма», «ливанизма», «социализма» и «баасизма», православной общине удалось избежать кардинального деления на противостоящие друг другу группировки и кланы, в связи с чем православную общину часто называют «неконфессионалистской конфессией» [10, с. 171]¹.

Арабская идентичность православного населения Ливана является следствием исторических процессов, происходивших в Антиохийской православной церкви в период с XVIII по XIX в. Учитывая влияние и значимость Антиохийской православной церкви для православных арабов Сирии и Ливана, за патриарший престол развернулась борьба между арабами и греками [11, с. 99–106]. Эллинистическая идентичность активно навязывалась Портой и западными дипломатами, для которых историческое и культурное наследие Византии и Константинополя было пусть и другим, но все-таки не таким уж чужим, как наследие арабов. Борьба, которая длилась несколько десятилетий, показала приверженность Антиохийской православной церкви арабской идентичности. Этапным событием в этой конкурентной борьбе стало избрание в 1899 г. первого на Антиохийском престоле патриарха-араба Метелия Думани, благодаря которому Антиохийская православная церковь начала свой путь к современному «арабскому» облику, постепенно вытесняя греческое влияние.

Арабизация Антиохийской православной церкви также привела к укреплению связей с Российской империей, которая еще с 80-х гг. XIX в. имела многочисленную сеть начальных школ под покровительством Православного палестинского общества. Это дало толчок к развитию образования и грамотности среди православных Сирии и Ливана. До сих пор православная община этих государств стоит в ряду наиболее образованной и урбанизированной части населения, а православные семьи и кланы сохраняют свое влияние в культуре и экономике обеих стран [12, с. 239].

Исторический выбор, который сделало подавляющее большинство православной общины Ливана, был в пользу ближневосточной, общеарабской идентичности – в противовес латинизированному и вестернизированному христианам-униатам, доходившим до отрицания арабского элемента в своем происхождении. Позже это проявилось в панарабских пассионарных настроениях левантских православных, примерами чему стали оказавшиеся очень жизнеспособными и долговечными идеологии Антуна Сааде (основатель Сирийской национал-социальной партии), Мишеля Афляка (один из создателей Партии арабского социалистического возрождения). Положительным моментом этих идеологий было по крайней мере отсутствие противопоставления всему арабскому миру, которое имело свой трагический итог в идеологических течениях некоторых маронитских партий. Привлекательность идей

¹ В то же время говорить о единстве православной общины Ливана не приходится. Да, намеренное дистанцирование от внутривосточных дрязг позволило православной общине избежать четкого деления на противостоящие друг другу партии, фракции и кланы. В то же время православная община Ливана не является инертной общиной, которой категорически чужды собственно общинные интересы. Отсутствие лидера с прямолинейной позицией уже изначально предполагает появление различных точек зрения и течений, которые касаются взглядов на историю (или мифологию) появления православной общины в Леванте (гассанидской, или арабской), внутривосточные предпочтения (блокирование с суннитами, маронитами или шиитами), внешнеполитическую ориентацию (западную, по мнению Шарля Малика, или советскую, по мнению Жоржа Хауи).

панарабизма среди православных христиан можно найти в словах патриарха Григория IV Хаддада, сказанных им перед комиссией Кинга-Крейна: «Мы, греко-православные этой страны, мы – гассанидские арабы. Наш арабизм подталкивает нас к солидарности с арабскими народами и поддержке арабского государства. Дело арабов ни в коем случае не является исламским, как утверждают французы, это, прежде всего, скорее национальное дело» [13, с. 123].

Несмотря на свою малочисленность, православные признаются всеми конфессиями Ливана как связующее звено между ними [14, р. 67]. Проводимый в Ливане межконфессиональный диалог на многих уровнях был бы невозможен без посредничества православных, которые в тяжелые для страны время придерживались нейтралитета. По мнению православного митрополита Дж. Ходра, православные являются более подготовленными к межконфессиональному диалогу, так как являются независимыми, нейтральными, имеют арабскую идентичность и не ассоциируются с Крестовыми походами и колониальной политикой Запада [15, с. 25]. Для православных диалог между конфессиями является в некоторой степени миссионерской деятельностью, попыткой рассказать о себе. По мнению Дж. Ходра, это является неотъемлемой частью интеграции христиан в исламский мир. Примером такой инициативы является созданный при Баламандском университете Центр мусульmano-христианских исследований. С учетом постоянно меняющейся обстановки вокруг Ливана, попыток и даже проектов разделения страны на несколько частей по конфессиональному признаку посредническая деятельность православной общины Ливана становится все более важной.

В период гражданской войны 1975–1990 гг., когда страна разделилась в том числе и по религиозному признаку, православная община сознательно избрала путь невмешательства в конфликт, как заявил однажды патриарх Антиохийский Игнатий IV: «Мы не сражались на какой-либо стороне, но были одной из тех общин, которые понесли ущерб от войны, не принимая в ней участия» [10, с. 169]. Показательно, что символом ливанского единства в то время стала православная певица Файруз (урожденная Нухад Хаддад), которая в период войны заняла нейтральную позицию и отказалась от выступлений в пользу какой-либо конфессиональной группы.

После окончания гражданской войны на внутривосточной сцене Ливана появлялись влиятельные православные политики, готовые в перспективе взять на себя роль лидера православной общины. Численность маронитов, основных политических соперников православных в христианском лагере, и их политическое влияние в связи с эмиграцией видных политических деятелей периода гражданской войны (Мишеля Ауна, Амина Жмайеля, Раймонда Эдде) сократилось. В то же время пересмотр избирательной системы позволил православным политикам рассчитывать на более справедливое распределение мест в ливанском парламенте. Именно в этот период в православной общине начали появляться лидеры, способные повести за собой общину в сложный послевоенный период. Особое влияние в те годы приобрел Мишель Мур, сторонник союза с Сирией, занимавший пост министра внутренних дел во время премьерства Салима Хосса. Будучи богатым бизнесменом и человеком с широкими связями, ему удалось превратить тогдашнее ливанское МВД в независимый центр влияния с контролем журналистского

сообщества. Вплоть до вывода сирийских войск из Ливана в 2005 г. Мишель Мурр продолжал оставаться влиятельной политической фигурой, однако стать лидером православной общины ему не удалось ввиду отсутствия гибкой политической позиции, свойственной, например, премьер-министру Рафику Харири. Присутствие сирийских войск воспринималось в ливанском обществе крайне неоднозначно, и столь открытое и явное обозначение себя как проводника сирийских интересов не могло впоследствии не сказаться на авторитете политика, в частности Мишеля Мурра, что, впрочем, было свойственно и политикам других конфессий.

Рост политического влияния православной общины в Ливане быстро угас, так и не успев начаться. Отсутствие опыта политической борьбы, раскол в сирийском вопросе в дальнейшем усугубился прокатившейся волной политических убийств православных политических деятелей. В 2005 г. и так немногочисленная православная община потеряла троих видных политиков разного политического толка: были убиты коммунисты Жорж Хауи и Самир Кайсар, журналист Джебран Туейни, выступавшие против присутствия сирийских войск на ливанской территории. На фоне убийства премьер-министра Ливана Рафика Харири гибель православных деятелей не сильно освещалась в средствах массовой информации по причине большего политического веса премьер-министра и степени его влияния на средства массовой информации.

Возвращение из эмиграции маронитских политических деятелей и в особенности Мишеля Ауна по сути поставило крест на политических амбициях православных политиков. Внутриобщинный вакуум способствовал росту популярности Ауна на уровне христианской «улицы». С момента его избрания президентом в 2016 г. многие православные и вовсе стали воспринимать его как лидера всех христиан Ливана [16]. Произошло это не вследствие конкурентной борьбы, а скорее в условиях ее отсутствия и разочарования большинства православных христиан в собственных политиках.

Отсутствие лидера у православной общины до сих пор вызывает недоумение в научных и политических кругах. Каким образом община, подарившая ближневосточному региону Антуана Сааде и Шарля Малика, не смогла найти достойного лидера, способного представлять православных у себя в стране? Многие православные общественные и религиозные деятели, такие как Дж. Ходр, указывали на отсутствие явного лидера среди православных христиан Ливана не потому, что они разделены, а потому, что воспринимают себя как единую Церковь, которая готова работать с людьми разных политических взглядов. Представитель патриарха Антиохийской православной церкви в Москве епископ Нифон (Сайкали) в 2008 г. заявил следующее: «Православные ливанцы стараются не вмешиваться в это противостояние (парламентский кризис 2008 г. – прим. автора). Нам нечего требовать, нечего добиваться. По Конституции Ливана за православной общиной закреплены должности заместителей премьер-министра, председателя парламента, депутатские места и портфели нескольких министров. Христиане в Ливане не ищут иностранных покровителей и поэтому настроены в большей степени на поддержку национальных интересов, нежели некоторые наши соседи» [17].

В Ливане существует около десятка православных объединений и организаций, среди которых следующие: «Православное собрание», «Ливанское

культурное православное императорское общество», «Национальное православное общество бойскаутов», «Ливанская православная лига», «Партия Машрика», «Объединение православных семей Бейрута», «Ливанский православный совет», «Православное общество семейства аль-Файяд», которые, за исключением созданной в 2011 г. партии «Машрика», являются неполитическими организациями, хотя и выступают иногда с политическими лозунгами.

Наиболее крупной организацией является «Православное собрание» Ливана, созданная в 2010 г. под председательством Мишеля Туэйни (позже его место занял Мунир Абу Фадель) как неправительственная организация. Членами «Православного собрания» являются более 3 тыс. человек. Согласно официальному сайту, «Православное собрание» имеет представительства во всех провинциях страны и ставит своей целью объединение всех православных партий Ливана на основе христианских ценностей [18]. Помимо этого, организация также работает в направлении проектной деятельности для продвижения православной молодежи в политике и экономике Ливана.

Одной из политических инициатив «Православного собрания» в 2016 г. стала инициатива по реформированию избирательной системы Ливана. В 2013 г. ливанским депутатом Эли Ферзли было выдвинуто предложение о реформе законодательного права, оставшегося практически неизменным с 1960 г. После окончания гражданской войны и подписания Таифских мирных соглашений численность христианского населения Ливана значительно упала вследствие эмиграции за рубеж, низкого уровня рождаемости и значительных потерь в результате боевых действий. Среди подписантов мирного договора были представители практически всех вооруженных группировок, и они согласились на равное распределение мест в ливанском парламенте в количестве по 128 депутатских мандатов. Суть законопроекта, предложенного Э. Ферзли, состояла в отказе от мажоритарной системы выборов. Отныне каждый должен голосовать только за представителя своей конфессиональной общины. Однако наибольшие споры вызвало предложение предоставить избирательные права тем ливанцам, которые проживают за рубежом. В результате христиане получали бы значительную поддержку от своих единомышленников из Европы и Южной Америки. В то же время данный законопроект поставил бы Ливан в зависимость от богатых эмигрантов. Законопроект был раскритикован в том числе и некоторыми православными политиками, например депутатом от партии «Мустакбаль» Атефа Мадждалани, заявившем, что его принятие приведет к раздроблению государства на отдельные противоборствующие регионы, что в свою очередь приведет к углублению межконфессиональных противоречий [19, с. 135].

В итоге законопроект не получил большинство голосов в парламенте и был отвергнут. Несмотря на это, совместная инициатива православных политиков показала их способность оказывать влияние на политику страны и выступать от лица всего христианского лагеря. Некоторые положения законопроекта были в том или ином виде учтены при последующем принятии в парламенте закона о выборах в 2017 г. Он включал в себя право ливанской диаспоры (преимущественно христианской) голосовать в посольствах и консульствах, деление Бейрута не на три округа, как ранее, а на два (христианский и мусульманский).

Отдельного упоминания заслуживает партия «Машрик», которая, несмотря на проблемы с финансированием и руководством, остается единственной православной партией в Ливане. По словам основателя партии «Машрик» Родрига Хури, идея создать политическое объединение появилась на фоне ухудшения внешнеполитической обстановки вокруг Ливана. Основными целями партии являются продвижение интересов православной общины внутри страны, ее культуры, а также взаимодействие с единоверцами по всему миру. В этой связи особое внимание уделяется укреплению связей с Россией и Русской православной церковью [20].

Таким образом, православная община Ливана, за исключением партии «Машрик», до сих пор не имеет сильной политической партии, способной на равных конкурировать с партиями других религиозных конфессий. Для православных христиан, которые ввели принципы арабизма в современную политику, идея создания политических партий на основе религии не является возможной в силу того, что арабизм должен был стать общей идеологией как для христиан, так и для мусульман. Православные христиане гордятся своей принадлежностью к Церкви, а не к конфессиональной общине.

Выводы

Ливан до сих пор остается символом и примером единства всех религий. Несмотря на возникающие распри и попытки некоторых поджечь межконфессиональный конфликт изнутри, ливанское общество уже, казалось бы, выработало некий иммунитет к провокациям. Это один из примеров позитивного воздействия социальной инерции традиционного общества, когда молодое поколение ливанцев старается быть невосприимчивым к нередким поводам к межконфессиональным конфликтам. Примером могут служить события в Ливане в период с октября 2019 г. по сентябрь 2020 г., когда сотни тысяч ливанцев, несмотря на конфессиональные различия, вышли на улицы с требованием отставки всего правительства и реформы всей политической системы, что стало символом солидарности ливанского народа. Недаром слоганом протестов стала фраза «Киллун яани киллун», что в переводе означает «Все значит все».

Молодое поколение православных ливанцев выросло в условиях внутреннего кризиса и внешней турбулентности. Шансы православной общины адаптироваться к быстро меняющемуся миру без сильного политического участия остаются туманными. Очевидно, что ни одна из существующих политических партий Ливана, будь то «Ливанские силы» или «Свободное патриотическое движение», не способна представлять православную общину Ливана внутри страны. В то же время с учетом ослабления Антиохийской церкви вследствие десятилетней войны православная община Ливана столкнулась с двойным вакуумом: политическим и религиозным. Модель политического конфессионализма, несмотря на очевидные попытки ее изменить, остается доминирующей в ливанском обществе, и православные наряду с другими христианскими конфессиями остаются в числе тех, кто выступает за сохранение конфессиональной политической системы во многом из-за снижения доли христиан в ливанском обществе.

Список литературы

1. Brenton R. *Christians in the Arab East*. Atlanta : John Knox Press, 1975. 336 p.
2. Куликова К. Е. Антиохийская православная церковь: Страницы истории и сегодняшний день // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2011. Вып. 4. С. 299–311.
3. Петкович К. Д. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. СПб., 1885. 270 с.
4. Davie M. *Atlas Historique des Orthodoxes de Beyrouth et du Mont Liban 1800–1940*. Balamand : L'Université Balamand, 1999. 158 p.
5. Master B. *Christian and Jews in the Ottoman Arab World. The Roots of Sectarianism*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 237 p.
6. Панченко К. А. Ритмы истории христианского Востока. Попытки обобщения // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2012. № 4. С. 3–19.
7. Thearvic M. *Hierarchy et Population du Patriarcat Orthodoxe D'Antioch*. Échos D'Orient, 1900. P. 143–147.
8. Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким владычеством. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2007. 607 с.
9. Православная энциклопедия : в 61 т. М., 2000. Т. 2. С. 720.
10. Куликова К. Е. Образ православной общины Ливана в исследованиях Баламандского университета // Вестник РГГУ. 2009. Вып. 4. С. 168–177.
11. Якушев М. И. Первый патриарх-араб на Антиохийском престоле // Восточный Архив. 2006. № 14–15. С. 99–106.
12. Bar L.-H. *Les Communautés Confessionnelles du Liban*. Paris : Institut français des relations internationales, 1983. 239 p.
13. Раси Салям. Чтобы ты не потерялся. Париж : Hachette Antoine, 2014. 268 p.
14. Hirvonen H. *Christian-Muslim Dialogue Perspectives of Four Lebanese Thinkers*. Boston : Koninklijke Brill, 2013. 357 p.
15. Ходр Ж. Мнения и взгляды по христиано-мусульманскому диалогу и сосуществованию. Христианство и Ислам в диалоге и взаимодействии. Джуния : Аль-Мактаба аль-Булисийя, 2001. 240 с.
16. Политическое Православие: Похороненные Мечты и Потерянное Лидерство. URL: <https://180post.com/archives/10977> (дата обращения: 04.10.2020).
17. Ливанский синдром. Епископ Нифон (Сайкали) о судьбе Православия на Ближнем Востоке // Русская православная церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/437493.html> (дата обращения: 04.10.2020).
18. Официальный сайт организации «Православное собрание Ливана». URL: <http://orthodoxliqaa.com> (дата обращения: 03.10.2020).
19. Сарабьев А. В. Политическое участие христиан Ливана: амбиции, возможности и реалии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 4. С. 132–141.
20. Официальный сайт политической партии «Хизб аль-Машрик». URL: <http://levant-party.org/ar/> (дата обращения: 04.10.2020).

References

1. Brenton R. *Christians in the Arab East*. Atlanta: John Knox Press, 1975:336.
2. Kulikova K.E. Orthodox church of antioch: pages of history and today. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2011;(4):299–311. (In Russ.)

3. Petkovich K.D. *Livan i livantsy. Ocherki nyneshnego sostoyaniya avtonomnogo Livan-skogo general-gubernatorstva v geograficheskom, etnograficheskom, ekonomicheskom, politicheskom i religioznom otnosheniyakh = Lebanon and the Lebanese. Essays on the current state of the autonomous Lebanese governorship general in geographic, ethnographic, economic, political and religious relations.* Saint Petersburg, 1885:270. (In Russ.)
4. Davie M. *Atlas Historique des Orthodoxes de Beyrouth et du Mont Liban 1800–1940.* Balamand: L'Université Balamand, 1999:158.
5. Master B. *Christian and Jews in the Ottoman Arab World. The Roots of Sectarianism.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001:237.
6. Panchenko K.A. *Ritmy istorii khristianskogo Vostoka. Popytki obobshcheniya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13, Vostokovedenie = The rhythms of the history of the Christian East. Attempts to generalize. Bulletin of Moscow University. Series 13, Oriental Studies.* 2012;(4):3–19. (In Russ.)
7. Thearvic M. *Hiérarchie et Population du Patriarcat Orthodoxe D'Antioch. Échos D'Orient,* 1900:143–147.
8. Bazili K.M. *Siriya i Palestina pod turetskim vladychestvom = Syria and Palestine under Turkish rule.* Moscow: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2007:607. (In Russ.)
9. *Pravoslavnaya entsiklopediya: v 61 t. = Orthodox encyclopedia: in 61 volumes.* Moscow, 2000;2:720. (In Russ.)
10. Kulikova K.E. The image of the Lebanese Orthodox community in the studies of the University of Balamand. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Russian State University for the Humanities.* 2009;(4):168–177. (In Russ.)
11. Yakushev M.I. First Arab patriarch to the throne of Antioch. *Vostochnyy Arkhiv = Eastern Archive.* 2006;(14–15):99–106. (In Russ.)
12. Bar L.-H. *Les Communautés Confessionnelles du Liban.* Paris: Institut français des relations internationales, 1983:239.
13. Rasi Salyam. *Chtbody ty ne poteryalsya = So you don't get lost.* Parizh: Hachette Antoine, 2014:268. (In Russ.)
14. Hirvonen H. *Christian-Muslim Dialogue Perspectives of Four Lebanese Thinkers.* Boston: Koninklijke Brill, 2013:357.
15. Khodr Zh. *Mneniya i vzglyady po khristiano-musul'manskomu dialogu i sosushchestvovaniyu. Khristianstvo i Islam v dialoge i vzaimodeystvii = Opinions and views on Christian-Muslim dialogue and coexistence. Christianity and Islam in dialogue and interaction.* Dzhuniya: Al'-Maktaba al'-Bulisiyya, 2001:240. (In Russ.)
16. *Politicheskoe Pravoslavie: Pokhoronennye Mechty i Poteryannoe Liderstvo = Political Orthodoxy: Buried Dreams and Lost Leadership.* (In Russ.). Available at: <https://180post.com/archives/10977> (accessed 04.10.2020).
17. Lebanese syndrome. Bishop Niphon (Saikali) on the fate of Orthodoxy in the Middle East. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' = Russian orthodox church.* (In Russ.). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/437493.html> (accessed 04.10.2020).
18. *Ofitsial'nyy sayt organizatsii «Pravoslavnoe sobranie Livana» = Official site of the organization "Orthodox Assembly of Lebanon".* (In Russ.). Available at: <http://orthodoxliqaa.com> (accessed 03.10.2020).
19. Sarab'ev A.V. Political participation of christians in lebanon: ambitions, opportunities and realities. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' = East. Afro-Asian societies: past and present.* 2016;(4):132–141. (In Russ.)
20. *Ofitsial'nyy sayt politicheskoy partii «Khizb al'-Mashrik» = Official site of the political party "Hizb al-Mashrik".* (In Russ.). Available at: <http://levant-party.org/ar/> (accessed 04.10.2020).

Информация об авторах / Information about the authors

Руслан Викторович Захаров

специалист, магистр международных отношений, Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма (Россия, г. Москва, ул. Кибальчича, 6, корп. 2); Институт востоковедения Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Рождественская, 12/1)

E-mail: 2508ruslan@gmail.com

Ruslan V. Zakharov

Specialist, master's degree in international relations, Center for the Prevention of Religious and Ethnic Terrorism (building 2, 6 Kibalchicha street, Moscow, Russia); Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12/1 Rozhdestvenskaya street, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.11.2021

Принята к публикации / Accepted 26.11.2021